

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭПОХА И НЕПРЕОДОЛИМОСТЬ ТЯГИ
К СОЗНАНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «СИМВОЛ И СОЗНАНИЕ
А. ПЯТИГОРСКОГО И М. МАМАРДАШВИЛИ)**

В ситуации формирования информационного общества, которое движется к созданию такого робота, который сможет заменить «живое сознание» человека, является необходимым рассмотреть, как определяется в философии человек через сознание в уже ставшем классическом XX веке.

Ключевые слова: сознание, информационная эпоха, Мамардашвили, язык, ум, ментальная необходимость, производство формы.

N.Yu. Pavlovskaya, Samara University

**THE INFORMATION AGE AND THE INSISTENCY
OF THE STRIKING FOR CONSCIOUSNESS (ON THE MATERIAL
OF THE BOOK “SYMBOL AND CONSCIOUSNESS OF A. PYATIGORSKY
AND M. MAMARDASHVILI)**

In the situation of the formation of an information society, which is moving towards the creation of such a robot that can replace the "living consciousness" of a person, it is necessary to consider how a person is defined in the works of a philosopher through consciousness in the now classical twentieth century.

Keywords: consciousness, information age, Mamardashvili, language, mind, mental necessity, form production.

XX-XXI вв. ознаменованы мощным развитием информационных технологий во всех сферах жизни. Чрезмерная избыточность каналов информации, открывающихся возможностей для человека на основе постоянно обновляющихся информационных технологий лишают человека ощущения стабильности, возможности осознанного выбора и следования ему, человек распыляется в мире хаотичных потоков коммуникации. Вследствие чего человек обращается не на путь самообретения собственного Я, собственного голоса, а строит свой образ на основе предложенных готовых моделей. Более того, человек находит множество фактов, подтверждающих невозможность пути к самосознанию, пути к обретению себя. Поэтому нам кажется важным

обратиться к работам М. Мамардашвили, в которых сознание – это главная тема философа. В каждой из работ Мамардашвили так или иначе приходит к разговору о сознании. Кроме этого, сознанию посвящена книга, написанная в соавторстве с Александром Пятигорским «Символ и сознание». В своем исследовании мы остановимся на этой книге.

Перед публикацией «Символа и сознания» в 1982 году была опубликована статья в 1971 году — «ТРИ БЕСЕДЫ О МЕТАТЕОРИИ СОЗНАНИЯ (краткое введение в учение виджнянавады)» в тартуском сборнике «Труды по знаковым системам». Статьей публикацию можно назвать условно – это записанный диалог двух философов, где есть развернутые реплики, небольшие реплики, уточнения и т.д. Беседа, диалог – важный жанр в истории философии, и скорее всего авторами выбран неслучайно. Но одновременно это очень непривычная форма для современной философии. В предисловии авторами оговаривается: «В этой небольшой работе, построенной в целях большей понятности (не только для читателя, но и для авторов) в форме диалога, авторы предприняли попытку облегчить будущее изучение виджнянавады». «Виджнянавада» (букв. «теория сознания») – учение о сознании, около полутора тысяч лет назад зародившееся в Северо-Западной Индии. Другой вариант перевода - «путь сознания» [1, с. 121].

Работа «Символ и сознание» считается «темной» книгой, трудной для понимания. В большинстве случаев в центре внимания исследователей оказывается текст самой книги, а статья-диалог, которая стала ее основой, чаще всего не переиздается и не рассматривается. В чем же трудность книги на наш взгляд: есть ощущение потока речи, который с трудом можно при чтении разделять на смысловые отрезки. Книга написана уже не в форме диалога, а как монологическое высказывание от лица «мы», то есть субъект речи - один. Но в тексте сохранены все высказывания (часто в неизменной форме) из статьи, где было два субъекта речи. И, как нам кажется, сведенные к одному субъекту речи высказывания двух субъектов речи создает ощущение водоворота в тексте, и отсюда возникает непонимание. Возможно, авторы хотели таким способом продемонстрировать нашу культурную зависимость от необходимости маркирования в тексте разных субъектов речи: «для нас область субъективного как таковая не изначальна, а является конструкцией. Мы же хотим найти нечто начальное» [1, с. 133]. И там же: «Вначале нам важно не быть связанными никакими расчленениями. Это первый и основной пункт» [1, с. 134]. Как, например, сейчас мы зависимы от пробелов между словами, когда в древности письменность не знала разделений. Как раз одна из тем

книги – это европейские структуры мышления, которые для авторов оказывается псевдоструктурами (например, субъект-объект).

Книга «Символ и сознание» начинается с того, что обращение к сознанию – это ментальная необходимость, то есть требование ума. И авторов интересует природа такой необходимости. Это первый вопрос, который поставлен авторами. В лекциях об античной философии [2] Мамардашвили говорит, что философия возникла из удивления – почему что-то есть. Ситуация философствования о сознании начинается с удивления – откуда есть такая необходимость, хотя ее могло и не быть. Не историческая необходимость, не какая-то другая необходимость – когда сознание оказывается историческим образованием (категорией, возникшей в определенное время), а значит, такая необходимость может быть или не быть, а ментальная необходимость – то есть необходимость от природы присущая человеку как мыслящему существу, то есть априорная необходимость. И не просто необходимость, а требующая определенного действия: «необходимость... которая вызывает стремление к попытке понимания сознания для себя и попытке экспликации этого понимания в виде определенного текста» [1, с. 121]. Вспомним, что в лекциях Мамардашвили говорит, что сознание – это чистая форма. Что же такое текст? Для Мамардашвили тоже форма. То есть чистая (предельная) форма, требующая в своем понимании производство формы.

Но, помимо ментальной необходимости, есть историческая необходимость: «Основной парадокс психоанализа, может быть, как и парадокс феноменологии и экзистенциализма, состоит в том, что термин "сознание" стал двусмысленным, расплылся. Проблемой стало не бессознательное, а сознание, которое осталось непонятным и непонятым... Проблемой стало сознание – место, природа, содержание и вообще самый смысл понятия "сознание"». Таким образом, мы утратили понимание сознания, оно заслонено нашим желанием разобраться с бессознательным.

К сознанию, говорят авторы, можно подходить осознанно или неосознанно. Неосознанный подход – подход, когда «сознание считается случаем отражения или познавания, т.е. сознание выступает само как какой-то особый познавательный процесс». Осознанный подход к сознанию, подход, выполняющий требование философии «оставить вещь как она есть», «когда сознание есть совершенно особый источник познания».

Сознание относится к такого рода вещам, как, например, смерть. То есть к таким вещам, которые «не могут быть объектом непосредственного знания». «Смерть ... не может быть описана. Она не может быть описана в силу того

тривиального обстоятельства, что для ее описания надо быть живым, а будучи живым описать свою смерть невозможно... смерть остается как явление неопределяемым» [1, с. 124]. Что это значит? Само явление смерти как таковое не может быть артикулировано, зафиксировано в тексте, так же, как и сознание: «сознание не может быть для нас феноменом жизни». В лекциях по «Введению в философию» М. Мамардашвили говорит, что форма – это свет, и у него еще есть такое определение: «координирующий луч формы». «Бросая свет на что-нибудь другое, они сами являются тенью и трудно поддаются пониманию. Такого рода элементы в философии называются формами (у Платона они назывались идеями, у Канта – трансцендентальным сознанием или трансцендентальными формами)» [3, с. 354]. Таким образом, сознание присутствует в своем отсутствии в своей необходимости, что требует понимания.

Также сознание относится к таким предметам, «которые могут естественным образом функционировать лишь при условии существования каких-то представлений (которые авторы называют «метапредметами», «метаобразованиями», «прагмемами») о самих этих предметах» [1, с. 126]. Такие представления в языке – это не зачатки или сгустки будущей научной метатеории, которая из простейшей формы потом разовьется в сложный организм. Для авторов сведение сознания к языку – это порождение науки XX века, то есть историческое образование: «Для нас языковая форма не должна накладываться целиком на сферу сознания. Мы не можем сказать: "где есть язык – там есть сознание". Мы просто говорим, что мы не желаем таким образом рассуждать, и в то же время мы не хотим говорить, что там, где есть сознание, есть язык. Мы просто предполагаем, что мы в нашем понимании сознания пользуемся языком, поскольку это понимание эксплицируется» [1, с. 128].

Подведем итоги. К сознанию можно подходить, с точки зрения авторов, осознанно или неосознанно. Если мы считаем, что сознание это некий готовый инструмент, позволяющий структурировать мир, стабилизировать положение человека, который в силу развития информационных технологий, натиска информационных потоков и т.д. устарел, то мы подходим к сознанию неосознанно – то есть не понимая, в чем заключается опыт сознания. Сознательный подход, то есть подход в опыте сознания, заключается в понимании, что сознание — это не инструмент, а источник ума, требующий определенного состояния от человека, пути. Обращение к сознанию для авторов – ментальная необходимость, то есть необходимость ума, априорная

необходимость. И не просто необходимость, которая заканчивается либо ничем, либо вздохом, либо отчетом, а требует в своем понимании от человека производства формы.

Список литературы:

1. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «языкирусской культуры», 1997. 224с.

2. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 320с.

3. Мамардашвили М.К. Введение в философию. Москва: Фонд Мераба Мамардашвили, 2019. 656с.